

Юрий Вер

13

Юрий Вер

13 Раундов

<https://litres.ru/74568977>

SelfPub; 2026

Аннотация

13 раундов — 13 новелл о боксе.

«Нерождественская история». Идея навеяна рассказом О. Генри «Дары Волхвов».

В «Большом Куше» повествуется об успешном адвокате, внезапно увлекшимся боксом.

«Десятка» — триллер о боксёре-каннибале.

«Двойной Удар» ироничная история из жизни боксёра-стриптизёра.

«Два Фунта» — рассказ о братьях-близнецах. По трагической случайности один из них погибает.

«Долорес» — история крушения надежд. Женщина-судья всегда отдаст предпочтение боксёру-красавчику, а тем более, если он ещё и похож на её прошлую любовь.

«Как Бог» — о боксёре-трусе, который оказался героем.

«Фернандо», «Коронка» — грустные истории о тренерах, об их надеждах.

«Снежок», «Нокаут» — несмотря на то, что сюжеты этих рассказов выдуманы, они автобиографичны.

Завершает сборник «Никто не узнает» — история о позабытом латиноамериканском боксёре. Его стремительный взлёт и падение оставили открытым спор.

Рассказ «Большой Куш» попал в лонг-лист конкурса Твист издательства Астрель СПб.

Содержание

Нерождественская история	5
Большой куш	17
Десятка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

13 Раундов

Нерождественская история

Ранним утром, за неделю до рождественских праздников, мимо спортивной арены, которую в народе прозвали Кью, тащился бездомный старик по имени Тайрон. Он толкал перед собой тележку с хламом, распиханным по разноцветным полиэтиленовым мешкам. В его голове неспешно текли мысли. Если бы в этот момент кто-то дёрнул его за рукав и спросил: «О чём думаешь?», он не смог бы ответить — настолько эти мысли были скучны и однообразны.

Внезапно внимание Тайрона привлёк яркий билборд: брутальные мужчины с рельефными торсами смотрели на него свысока. «Легионеры. Битва века!» — прочёл Тайрон и остановился.

Вскоре он продолжил путь по безлюдной Онтарио-стрит. Осторожно пересёк Проспект-авеню по прихваченному морозом асфальту, минуя недавно открывшееся казино «Horseshoe», в витринах которого разыгрывались праздничные сценки: Санта вынимал подарки из мешка; пингины кланялись; Щелкунчик постукивал зубами; волхвы, разложив дары, склонились над младенцем. Из скрытых динамиков тихо звучала «Джингл Беллс». От казино Тайрон направился через Паблик-сквер к Высокому мосту — тому само-

му, что соединяет Супериор с Детройт-авеню. По пути он не пропустил ни одной урны — не обнаружив в них ничего ценного, старик спустился во Флэтс — старую промзону у реки, и повернул налево на Олд-Ривер-роуд.

«Па-па-па, па-па-па, нырок, удар, па-па-па», — повторял тренер, побуждая учеников попадать в ритм речёвки. Смачные хлопки от ударов в лапы¹ и его голос не смолкали. На скамейке сидели юные боксёры, ожидая своей очереди. Тренер тратил на каждого минут по пятнадцать — брал одного за другим, не прерываясь. Пот катил с него градом. Ему нравилось ловить на себе восторженные взгляды мальчишек. Он был одержим. Этим тренером был отец Тайрона.

В семь лет Тайрон гордился отцом.

Одиночка в боксёрском зале, одиночка по жизни... Кто-то из учеников принёс отцу ботинки — китайский ширпотреб. Отец бегал с коробкой по залу и хвастался подарком. Для Тайрона в этом не было ничего странного: на улице мальчишки всегда щеголяют обновками. Подумаешь. Он и сам бы похвастал, будь у него хоть что-то.

Новички проходили через руки отца, а потом, освоив азы боксёрского мастерства, уходили к другим тренерам. Те, расставив стулья возле ринга, переговаривались между собой, внимательно наблюдая за происходящим в зале. Не повышая

¹ Боксёрский инвентарь, который тренер надевает на руки для отработки ударов.

голоса, они отдавали команды и порой косились на его отца. Тайрон относился к ним с неприязнью. Не понимал: почему у них такой особый статус? Сидят, лыбятся да лясы точат. Бывает, залезут в ринг на пятнадцать минут, покажут «мастер-класс», взяв на лапы лучшего из лучших — чемпиона, и снова сидят. Никто из них не растрчивал себя, как его отец.

Но ринг — да что там ринг, весь зал принадлежал этим важнякам и их боксёрам. И плевать, что спортклуб муниципальный, а права у всех равные. Они всё равно чувствовали себя здесь хозяевами. И эта несправедливость возмущала маленького Тайрона.

Только однажды, когда посреди недели все уехали на турнир в Детройт, отец и его ученики полновластно завладели залом на целых четыре дня!

В понедельник Тайрон обошёл ринг стороной. Он испытывал неприязнь ко всем, кто теперь владел тем, что ещё вчера принадлежало ему.

Работать с тренером в ринге, ощущать себя особенным — Тайрон этим по-настоящему гордился. Теперь было неизвестно, когда ещё ему выпадет шанс похвастать этим.

Отец никогда не рассказывал Тайрону о своей боксёрской карьере. Упоминая известное в прошлом имя, он лишь добавлял: «Я работал с ним». И всё! Этого хватало, чтобы дать понять: когда-то он принадлежал к большому боксу. Тренерской лицензии у него не было: он стоял на учёте у психиатра и получал пособие по инвалидности. Стала ли инвалид-

ность следствием травмы, полученной в ринге, или нет — Тайрон не знал. Всё их окружение жило на пособия. В день выплат ещё до открытия магазинчика, расположенного на углу Сант-Клэр-авеню и Маркет-стрит, появлялась очередь. Люди торопились снять наличные с банкомата, пока в нём не закончились деньги; к вечеру у подъездов становилось шумно. Тайрону казалось, что вэлфер в их квартале переходил из поколения в поколение — как наследство.

Тайрон вырос. Отец по-прежнему натаскивал его на лапах; всё так же звучало его «па-па-па», но на ринг Тайрона уже выводили другие тренеры. Те самые, кого Тайрон не любил в детстве, — те, кто снисходительно прятал ухмылку, слыша отцовское «па-па-па».

Отец умер, когда Тайрону исполнилось шестнадцать. Позже, став профессиональным боксёром, он почти в каждом зале встречал человека, похожего на отца, — энтузиаста или полусумасшедшего, который возится с новичками, мечтая вырастить чемпиона. «Па-па-па, я — тренер! Па-па-па, я — не дерьмо! Па-па-па, я — Бог!» — таким был его отец.

Тётка формально взяла над Тайроном опеку. Но ей было не до племянника — у неё были свои дети, свои проблемы и свой вэлфер. Школу он бросил. На любительском ринге провёл семьдесят пять боёв; ничего, кроме бокса, не умел. Знал свой район, крутых парней, знал и девчонок, которые за четвертак давали, а за десятку делали минет.

Дарнелл — его герой и пример для подражания, купил

кабриолет фирмы «Кадиллак». Деньги на машину получил за восемь раундов на Showtime. Чтобы все видели его крутизну, нацепил большие колёса с литыми дисками-спиннерами — на светофорах соседние машины вибрировали от рэпа, грохочущего в его динамиках. «What's up, nigga?» — бросал ему Дарнелл. «What's up, dude?» — отвечал Тайрон. Они ритуально обменивались сложным набором рукопожатий с известным только им кодом. Дарнелл широким жестом отстегнул Тайрону на тату, и тот набил на правой руке «Boxing for life», на левой «Brotherhood for life», на груди — боксёрские перчатки, на правом плече — портрет самого Дарнелла, а на левом — череп и кости. Вскоре Дарнелла дисквалифицировали на шесть месяцев, обнаружив следы марихуаны в моче, а ещё через месяц его застрелили в ночном баре на Ист-Сайде.

Тайрон получил боксёрскую лицензию. В восемнадцать выиграл три первых поединка. Получил за них четыреста, пятьсот и шестьсот долларов наличными. Дальше — по нарастающей. Неплохая надбавка к пособию. Ему хватало на чипсы и колу, а если есть хотелось по-настоящему — он шёл в «Макдоналдс», «Бургер Кинг» или «Кентукки Чикен».

За три с небольшим года профессиональной карьеры в его послужном списке значилось двенадцать побед, две ничьих и три поражения; призовые доходили до пяти тысяч. Его звали рабочей лошадкой, искателем приключений, солдатом удачи — он никогда не отказывался от предложений

зарубиться, если хорошо платили. Тайрон выиграл подряд у двух перспективных бойцов и получил предложение драться на Showtime за 25 косарей. Он ощущал себя королём. «Ещё пара побед нокаутом — и корона чемпиона будет моей», — мечтал он. Самоуверенность усыпляла. Он стал хуже тренироваться. Не слушал советов «важняков». Спускал деньги на клубы, девчонок, веселье. Те, кто знал о его дружбе с Дарнеллом, намекали, что Тайрон готов повторить судьбу друга. И, похоже, не ошиблись: Тайрона тяжело нокаутировали — после этого начались частые головные боли. Он забросил тренировки и вернулся в зал, лишь когда закончились деньги.

Следующий поединок Тайрон снова уступил — теперь техническим нокаутом: безжизненно повис на канатах, но не упал и очень гордился этим. Всего за штуку баксов он согласился на шесть раундов с очередной восходящей звездой. С ринга Тайрон угодил в больницу; выжил, но для бокса умер. После выписки мир казался ему мутным, будто он смотрел на него сквозь запотевшее стекло.

Тайрон уже и не помнил, как и когда познакомился с Лиз, единственной белой женщиной в его жизни, так давно это было. Кажется, все началось на Онтарио-стрит. Она сидела, привалившись спиной к стене маленькой кофейни. Он присел рядом и спросил:

— Ты пробовала их коржики с черникой?

— Давно. Сейчас у меня два бакса: либо коржик, либо

кофе. Но одно без другого не так вкусно. Было бы ещё два — взяла бы оба.

Тайрон вытащил из кармана недостающие доллары и протянул ей. С того дня они не расставались.

Лиз играла на флейте, положив перед собой футляр для мелочи, а Тайрона обучила выстукивать ритм на барабане. Это оказалось легко — он быстро подстроился: «па-па-па, па-па-па» всё ещё было с ним.

Когда Лиз была чем-то расстроена, она играла «Время года». Единственное классическое произведение, которое помнила из прошлой жизни. Тайрон переставал стучать по барабану, закрывал глаза и плавно покачивался из стороны в сторону. За исполнение Вивальди всегда кто-нибудь оставлял большую купюру — пятёрку, десятку, а то и двадцатку.

Тайрон и Лиз кочевали, занимались любовью. Летом часто спали под открытым небом, любовались звёздами; днём радовались солнцу, в непогоду согревали друг друга в объятиях. Они и не заметили, как постарели.

Тайрон не смог бы вспомнить, когда они в последний раз были близки, но это было неважно — они накрепко проросли друг в друга, став одним целым.

Лиз плохо переносила холодные зимы и давно просила Тайрона двинуть на Ки-Уэст.

— Да-да, — говорил он, но ничего для этого не делал. Зимой там рай, но летом — жара, влажность, не продохнуть. Он знал, что ему там крышка. А ездить туда-сюда дважды в

год у него уже не было сил. Вот и поддакивал, хотя перебираться и не собирался.

Лиз выросла в обычной, устроенной семье под Дейтоном, в Огайо. Будущее ей представлялось предсказуемо скучным и серым, как линия, проведённая карандашом по линейке. Подростковый бунт, вылившийся в зелёные волосы, пирсинг, татуировки, курение травки и безделье, привёл к конфликту с родителями. Её занятия музыкой отодвинулись на второй план. После окончания школы Лиз ушла из дома и стала хипповать.

Через два года бродяжничества случайно встретила Тайрона. Оба жили как беспечные птахи: перелетали с места на место и питались тем, что Бог пошлёт.

Вдвоём лететь оказалось интереснее и легче — и они не расстались.

Если бы не тележка, Тайрон точно упал бы и разбился на прихваченной морозом дороге.

Картины из прошлого всплывали в памяти — софиты, наэлектризованная публика, волнение перед боем... Ощущение выхода на ринг вернулось к нему столь отчётливо, что ослабевшие мышцы невольно напряглись. «Эх, как бы я хотел попасть на бой „Легионеров“!»

На пересечении Олд-Ривер-роуд и Коламбус-роуд напротив заправки Суноко за кустарником стоял их с Лиз картон-

ный домик, накрытый сверху синим тарпом². Лиз сидела у входа, обхватив колени руками.

Кажется, ей было плохо.

— Лиз, ты окей?

— Меня колотит. Где ты шлялся?! Я замёрзла. Наверное, простыла... Ходила вчера вечером на Паблик-сквер, ничего не собрала. Но нашла кошелёк, там водительские права, кредитки, пара двадцаток и какие-то билеты, вот.

Тайрон извлёк водительские права.

— Ну-ка, Джеймс Кардиган... О, да, этот парень не бедный! Живёт в Гейтс-Миллс, там такие дома! Три кредитки.

Из-под купюр выступали билеты. Ну-ка, посмотрим, куда? Надеюсь, не на благотворительный вечер в пользу полиции.

Тайрон вытащил билеты и с минуту таращился на них.

— Чёрт! — выругался он. Это были билеты на гала-вечер бокса — «Легионеры. Битва века!»

— Лиз, наверное, Бог есть, раз он нам такой рождественский подарок

подкинул! Ты не хандри. Вечером пойдём на бокс, на «Битву века». Ты была хоть раз на боксе?

Лиз, ничего не ответив, плотнее завернулась в одеяло и заползла в домик.

² Tarpaulin или просто tarp — плотный непромокаемый материал, из которого делают защитные тенты и навесы. Обычно он синего или зелёного цвета. Американские бездомные используют его для крыш своих жилищ.

«Надо пойти в „Армию спасения“ помыться, иначе отфутболят, — думал Тайрон. — Хорошо, что есть припрятанная чистая одежда, может и не по размеру — плевать. Главное, чтоб в чистом, без запашка. Вот билеты! Пусть только попробуют не пустить».

— Лиз, смотри, что у меня есть для тебя.

Он достал из тележки коробку «Куриных пальчиков», кетчуп и банку пива. Залез в их жалкое подобие жилья и поставил еду рядом с Лиз.

— Поешь и поспи.

Рассвело. Иней и затянутые льдом лужицы постепенно таяли под лучами солнца. Светло-голубое небо без единого облака обещало хороший день. Тайрон улыбался, предвкушая, как они вечером пойдут на боксёрское шоу.

Времени хватало: помыться, переодеться и привести себя в порядок. Тайрон достал из тележки чипсы и стал запихивать их в рот. Часть рассыпалась, застревая в одежде и бороде. Его руки покрывали хронические язвы; там, где короста отвалилась, кровоточили ранки.

От холодного пива его знобило. Он расстелил картон, забрался в спальник и уснул. Проснулся от толчка — перед ним стоял Джим, сосед по палатке.

— Чё тебе?

— Твоя подруга больна. Ей бы в госпиталь. Или хотя бы лекарства — кашляла всю ночь, а тебя не было.

— Не твоё дело. Который час?

— Около полудня.

«Пора будить». Тайрон залез в домик. Лиз лежала в забытьи — глаза закрыты, еда не тронута. Она вся горела, рубашка была насквозь мокрой. Тайрон достал из пакета сухое бельё, закрыл вход картонкой и переодел Лиз.

— Лиз, ты держись, я щас.

Он вылез наружу.

— Эй, Джим, присмотри за ней. Скоро вернусь.

Тайрон побрёл к арене. Встал в сторонке, высматривая перекупщиков билетов. То и дело спрашивал время у прохожих. Ему редко кто отвечал. Люди пробежали мимо дурно пахнущего старика, стараясь не глядеть в его сторону.

Для перекупщиков ещё рановато... Появятся позже. Дерьмо! Ага, кажется, вон тот один из них.

Тайрон увидел молодого парня. Настороженность, цепкий взор — не спутать, сразу видно, что парень спекулянт. Тайрон подошёл поближе.

— Эй, парень, — обратился он.

— Давай, вали отсюда, кусок дерьма.

— У меня билеты на шоу, купи.

— У тебя?! Билеты месяц назад разошлись. Чего ты мне впариваешь?

— Два, по семьдесят баксов каждый.

— Покажи.

Тайрон достал билеты, крепко держа их своими больными заскорузлыми пальцами.

— Сколько ты хочешь?

— По номиналу... Билетов в кассе нет, — Тайрон махнул рукой в сторону афиши с надписью «Продано». — Ты перепродашь их по сто пятьдесят каждый, не меньше.

— Я — да, а ты — нет. Хочешь, сам продавай, кто у тебя их купит? К тебе никто даже не подойдёт. Может, ты украл их? Двадцатка за оба. Не хочешь? Проваливай!

Тайрон почувствовал, как он снова падает, бьётся головой о настил ринга — нокаут. Слез нет, он слаб, унижен, он — никто.

Через два квартала Тайрон зашёл в аптеку, набрал лекарств для Лиз. На кассе ему не хватило доллара, кто-то из очереди положил недостающую банкноту. Выйдя из аптеки, он почти бежал, если можно назвать бегом торопливый, нетвёрдый шаг старого больного нищего. «Лиз, моя Лиз, потерпи, скоро, скоро, я почти здесь», — бормотал он.

Закутанная в одеяло, Лиз походила на высохшую куклу.

— Лиз, я принёс лекарства, — он слегка толкнул её в плечо. Лиз молчала. Он выронил пакет с таблетками и коснулся её лба. «Па-па-па, па-па-па» навсегда погасло в его сердце.

Тайрон понял, что остался один.

Большой куш

Арон Шапиро. Достаточно произнести имя, и не надо много объяснять. Адвокат, тридцать девять лет, женат, сыну семь, достаток выше среднего. Живёт в доме за полмиллиона, ездит на Мерсе, по меркам Огайо — богач-богач-богач.

С детства Арон мечтал о подвигах, приключениях, ему хотелось совершить что-то этакое! Прыгнуть в воду со скалы. Войти в горящий дом. Спасти человека. Да просто стукнуть обидчика в нос! В школе поводы были, и не раз, но в нос он никому не дал. Не стал героем.

Напротив, за большой нос к нему намертво прилипло обидное прозвище «шнобель». Буллеры, цеплявшиеся к нему, заслуживали взбучки, но Арон бледнел, краснел и не мог постоять за себя.

Отец Арона работал в крупной юридической фирме и видел сына никем иным, как юристом.

А то, что тот нерешителен и даже трусоват — это, как отец полагал, пройдёт. «Вот закончит юридический — уйдут и страх, и неуверенность. Власть над людьми и их судьбами меняет человека кардинально», — убеждал он себя.

Всё так почти и случилось. К сорока годам Арон стал успешным адвокатом. Для окружающих он выглядел уверенным в себе профессионалом, но за этим фасадом скрывался ранимый и не очень храбрый человек.

Никому, даже супруге, он не рассказывал о своих школьных годах — о страхах и унижениях маленького Арончика.

Недалеко от конторы, где работал Арон, открылся боксёрский клуб. Широкие окна клуба были лучше всякой рекламы. Зеваки останавливались перед ними, чтобы поглазеть. Арон не стал исключением.

Народ дружно бил по мешкам под ритмичную музыку. По залу бегал рослый чёрный парень с прикрепленным к уху микрофоном. Он выкрикивал команды и задавал ритм. Арон с увлечением наблюдал и задержался бы ещё, если бы не назначенная встреча с клиентом.

Ему предстояло взяться за сложное дело: врачебная ошибка, в результате которой возникло осложнение, и больной едва не ушёл в мир иной. Как-то выкарабкался, встал вопрос о компенсации. Если Арон выиграет судебную тяжбу — в его карманах осядет сто тысяч долларов. Все мысли были о работе, но, как ни странно, новость об открытии боксёрского клуба не выходила у него из головы, и уже на следующий день Арон приступил к тренировкам.

Героика бокса, столь отличная от размеренной жизни юриста, увлекла его. Он был неутомим, мог колотить боксёрские мешки до седьмого пота. Кочевал из клуба в клуб, постигая боксёрскую науку.

Шесть месяцев упорных тренировок внесли коррективы в жизнь Арона. Из домашнего рациона исчезли пицца и куриные крылышки. Старый гардероб пришлось заменить

на новый, размером поменьше. Походка Арона приобрела упругость. Плечи развернулись. Подбородок чуть вздёрнулся. Арон помолодел.

Мужская прыть, о которой жена успела позабыть, только-только примирила её с его увлечением «мордобойкой», как он пришёл домой с классическим фингалом под глазом. Этот непрменный атрибут настоящего боксёра он умудрился поставить себе сам, налетев на металлическую стойку в спортзале (жена так и не поверила в правдивость истории происхождения синяка — считала, что Арон получил его на ринге).

Все эти «достижения» подвели Арона к мысли, что он созрел для настоящего боя. Он будет драться за все те носы, которые не разбил в школе. Он — Арон Шапиро, умный, уверенный в себе человек с приличным счётом в банке. Он победит!

Найти соперника для Арона оказалось делом непростым. Где найдёшь такого, чтобы и возраст, и боксёрский стаж, то есть его отсутствие, и весовая категория соответствовали? Тренер Арона — Рикки, всех в городе опросил... Мало таких чудаков, чтобы в сорок лет влезть на ринг. Ведь неизвестно, чем это может закончиться: залезть-то залезешь, а обратно могут и вынести.

Поначалу Рикки думал, что блажь Арона пройдёт. Но нет, Арон не отставал — хоть тресни, а найди ему, с кем подрать-

ся!

Где Рикки откопал соперника — неизвестно. Нашёл. Остальное не важно. Джамал — грузный темнокожий дядька далеко за сорок. С его слов, будучи мальчишкой, занимался боксом. Так вот, он согласился выйти против Арона за сто долларов. «Но ложиться под него я не собираюсь! Наде-ру адвокатишке задницу!» — уверенно бахвалился он. Было очевидно, что Джамал вёл нездоровый образ жизни: одутловатое лицо, излишний вес и выпирающий живот выдавали любителя пивка и фастфуда; к тому же он курил.

Когда Арон всё это затевал, он даже представить не мог, как начнёт волноваться.

Время текло мучительно медленно, а день боя приближался пугающе быстро. Арон не мог сконцентрироваться на работе. Последнее судебное дело — тяжба с госпиталем — шло из рук вон плохо. Все мысли были только о предстоящем поединке. Он представлял себя то победителем, радостно взметнувшим руки, то поверженным, лежащим без сознания на настиле ринга. Арон плохо спал. Просыпаясь среди ночи, он до утра прокручивал в голове фрагменты своего ещё не состоявшегося боя.

Наступил день матча. На взвешивании Арон был чрезмерно суетлив, нервно смеялся, заговаривал с незнакомыми людьми. Его сильные ноги ослабли, внутри словно всё оборвалось, но отступить было поздно. Отказаться было бы ещё позорнее, чем проиграть. Пусть даже нокаутом... Теперь ему

казалось, что он непременно проиграет нокаутом.

Жена Хенна с сыном Джозефом пришли поддержать его. Арон то и дело выходил из раздевалки и смотрел на семью. Он видел, что Хенне тут некомфортно. Сжав губы, она словно застыла в ожидании приговора, который вынесут ему.

Джозефу, видимо, передалось напряжение матери — он не вертелся, как обычно, а сидел тихо.

Зал гудел. Выход Арона близился. Подошёл улыбающийся Рикки. Несколько разминочных ударов по лапам, защитный шлем, капа, полотенце — всё в порядке. В бой.

Арон зашёл по ступенькам на ринг. Поднял руки, повернулся к зрителям и приставным шагом заскользил вдоль канатов, приветствуя публику. Он много раз видел, как это делают именитые боксёры.

Следом поднялся Джамал.

Арон, знал о сопернике, что тот чёрный, толстый, меньше ростом и старше. Поэтому он представлял его слабым. Но когда они остались один на один, Джамал показался ему огромным, крепко сбитым, уверенным в себе боксёром. Арону стало не по себе. Да какое там не по себе? Ринг качнулся у него под ногами.

Раздался гонг.

Арон от страха побежал на соперника, хотел нанести удар, но словно что-то сковало его руки. Джамал легко ушёл в сторону и ударил Арона в голову. Тот зажмурился и снова бросился в атаку. Руки не слушались, а ноги подкашивались. И

всё же ему удалось нанести удар, но это скорее походило на толчок.

Народ в зале потешался. Арон не оставлял попыток сблизиться с соперником, войти в клинч, будто искал укрытия в его объятиях. Джамал, несмотря на большой вес, удачно маневрировал и доставал его одиночными прямыми. Удары не имели нокаутирующей силы, но их хватило, чтобы пустить Арону кровь из носа.

К концу раунда Арон начал приходить в себя, скованность и зажатость в движениях исчезали.

— Арон, расслабься. Всё хорошо, — в перерыве напутствовал его Рикки, останавливая кровь. — Посмотри, он еле дышит, ему тяжело. А ты полон сил.

К противоположному углу ринга пробралась пожилая чёрная женщина и начала гневно кричать Джамалу, чтобы тот не смел бить Арона. Это бесплатное шоу забавляло зрителей. Джамал не понимал, почему его родная тётка орёт на него за то, что он бьёт этого чистенького. Но времени разбираться не было — прозвучал гонг.

Второй раунд.

Арон уже не был столь закрепощён: он больше не бежал на соперника, а старался действовать, как учили — толку было мало, но это уже мало-мальски походило на бокс.

Хенна сидела, оцепенев от ужаса: «Что, если этот Кинг-Конг покалечит Арона?» Джозеф понимал: его папу бьют, и всех это забавляет. Всех, кроме него и мамы. Он был готов

расплакаться, но изо всех сил сдерживал слёзы.

К концу второго раунда Джамал окончательно выдохся, сил хватало только на джебы, которыми он держал Арона на расстоянии. Арон прыгал вокруг соперника и, хотя особого успеха это ему не приносило, выглядел активнее.

Прозвучал гонг, и соперники разошлись по своим углам. Тётка продолжала шуметь. Она даже погрозила Джамалу кулаком, когда тот бросил на неё взгляд. «Вот ещё! И так нелегко, а тут родная тётка руками машет».

Джамал задыхался, его измученное, заплывшее жиром сердце, казалось, вот-вот остановится, не выдержав нагрузки. Ему так хотелось ещё посидеть, ну хоть чуток... Удар гонга заставил его подняться со стула.

Боксёры сошлись в третьем, заключительном раунде. Арону наконец удалось провести успешную атаку. Он нанёс Джамалу несколько неумелых ударов и... попал ему в нос. Да-да, в нос! Ещё и ещё — прямо в нос! Джамал устал, у него не было сил ни двигаться, ни защищаться, он пропускал удары один за другим.

Зал приветствовал успех Арона и смеялся над «сдувшимся» Джамалом. Хенна вскочила, выкрикивая имя мужа. Зрители поднялись со своих мест, заслонив происходящее от Джозефа. Но, глядя на маму, он понимал, что всё хорошо — папа побеждает. Джозеф был горд. Он так любит своего папу — самого сильного, самого лучшего папу на свете!

Раздался финальный гонг.

Бойцы обнялись, довольные тем, что этот кошмар закончился. В ноги Арона вернулась сила, не было больше скованности. Напротив, он почувствовал огромный прилив энергии и ощущение полного счастья от того, что всё позади, что он это сделал. И главное — он разбил сопернику нос!

— Победу в этом бою одержал... — ведущий сделал паузу, — А-а-а-рон Шап-и-и-ро-о! — и вздёрнул руку победителя.

Зал аплодировал. «Мой папа победил!» — кричал Джозеф. Хенна радостно махала мужу руками, глаза их встретились. «Я сделал это!» — говорил его гордый взгляд.

В раздевалке счастливый Арон обнял Хенну. Джозеф прижался к отцу, и в этот момент на Арона снизошло озарение. Он понял, как повернуть дело так, чтобы госпиталь сам был готов заплатить миллион — лишь бы сохранить репутацию, избежать скандала и куда более серьёзных убытков. Решение было простым, но, как часто бывает, то, что лежит на поверхности, остаётся незамеченным. Впрочем, в случае с Ароном, причиной невнимательности, скорее всего, послужила подготовка к боксёрскому поединку, поглотившая его целиком.

У Арона приятно ёкнуло внутри. Он услышал тихий шелест денег, похожий на едва уловимый шум волны в безветренную погоду. Яхта, о которой Арон давно мечтал, уже готова была показаться на горизонте, как вдруг сын настойчиво потянул его за руку, вернув в реальность.

— Пап, мы пойдём в воскресенье на Индианз³?

— Конечно.

Арон улыбнулся, потрепал сына по голове и предложил:

— А сейчас мы пойдём в ресторан и назло всем диетам возьмём по самому большому бургеру! Как тебе моё предложение?

Для Джозефа жизнь вернулась в прежнее русло: «Мама, папа, я — как это здорово! Только бы поскорее уйти отсюда. Шум. Кровь. Одних бьют, другие радуются».

В другом конце зала Джамал раздражённо накинудся на родную тётку:

— Ты что, рехнулась? Что за бред ты несла? Может, он наш дальний родственник?

Не обращая внимания на грубый тон племянника, явно довольная исходом поединка, та радостно прошептала:

— Он ведёт дело твоего дядьки — госпиталь судит. Никто не брался, а он взялся, и дело движется... Нам светит большой куш — миллион долларов!!! Я тебя, дурака, убила бы, если б ты его покалечил!

³ Индианз — бейсбольная команда города Кливленда

Десятка

Огромный телевизор вещал на входе в муниципальный оздоровительный центр: «В супермаркете «Большой Орёл», что на Карнеги-авеню, неизвестный открыл огонь, есть раненые. В ходе операции полиция застрелила стрелка. Ведётся расследование. Дикторша сделала паузу и продолжила:

— Новое исчезновение! За последние три года количество пропавших женщин в промышленном районе Риджберри выросло до десяти».

«До десяти...» — повторил я про себя.

Под грохот рэпа я миновал каток и поднялся на второй этаж в боксёрский зал.

Когда долго в боксе — всех знаешь, и тебя знают — круг посвящённых небольшой. Поэтому появление в спортзале незнакомого чёрного мужика не могло остаться мной незамеченным. Ему было лет под сорок — мой ровесник. Крепкий, подтянутый, ни грамма лишнего жира.

Он кивнул Рикки, который здесь негласно за старшего, но не подошёл, не пожал руку, как принято, а снял толстовку и штаны и, оставшись в шортах и майке, приступил к разминке.

Меня отвлекли, и я не успел спросить: «*Что за тун?*»

Подошло время спаррингов. Боксёры, тренеры и зрители окружили ринг. Первым ловко поднырнул под канаты незна-

комец. Против него Рикки выставил начинающего, но подающего надежды любителя — Моника.

Чужак спарринговал вычурно: то танцевал, то опускал руки, то бил себя в грудь, приглашая соперника атаковать. То, что в ринге не дебютант, было очевидно. «Но зачем он выпендривается? Низкопробное шоу!» — наверное, это пришло в голову не только мне, но и другим. Выделяемые им коленца не вызывали симпатии. Одиночные удары, которыми он пытался достать парня, редко достигали цели.

Моник не вёлся на провокации, сохранял спокойствие и порой даже попадал, но завязать настоящий бой ему не удалось.

В перерыве Рикки наставлял своего бойца, не стеснясь в выражениях.

«Танцор диско» — так я окрестил незнакомца — явно тяготился своим одиноким положением, переминаясь с ноги на ногу в противоположном углу в ожидании следующего раунда. Я предложил ему воды. Сделав несколько глотков, он коснулся меня правой перчаткой, назвал себя Джеймсом и стал излишне громко благодарить.

Прозвучал гонг. Рикки гаркнул: «Бокс!» А Джеймс не торопился. Рикки еле сдерживал недовольство, но кричать — значит показать слабость.

Картина спарринга не менялась. Раунд прошёл без огонька. Зрителей вокруг ринга поубавилось.

Во время перерыва Джеймс недвусмысленно сверлил ме-

ня взглядом, явно ожидая, что я снова подойду. Что я и сделал, став его секундантом.

— Работай плотнее, слишком много пауз, — советовал я.

— Да, сэр.

— Бей в корпус.

— Да, сэр.

Джеймс рапортовал как заправский солдат, но советам моим не следовал. Делал в ринге то, что считал нужным. Навязывал сопернику рваный ритм боя — то сближался с ним, то ускользал. Моник никак не мог к этому приспособиться. «Драться, так драться», — полагал он, — а не бегать кругами.

Схватки подобного рода — скучнейшее зрелище для знатоков. Суеты много, а боя нет. Бокс без адреналина — и не бокс вовсе.

Рикки надоело смотреть, как боксёры гоняют руками воздух, и он снял Моника после четвёртого раунда.

Моник, раздосадованный, молча сошёл с ринга. Джеймс, напротив, улыбался и был вполне доволен тем, как прошёл спарринг. Он попросил меня поработать с ним на лапах. Обычно бесплатный тренинг для взрослых не в моих правилах, а тут чёрт меня дёрнул согласиться.

Джеймс так обильно потел, что мне постоянно приходилось обтирать его полотенцем, чтобы защитить себя от брызг, летевших во все стороны.

Отработав с ним пару раундов, я решил, что этого доста-

точно. Тем более что мои немногочисленные ученики ревниво поглядывали в нашу сторону.

Мой «воспитанник», как только понял, что лап больше не будет, обрушил на меня словесный поток. Он говорил о Боге, любви, политике, расовой дискриминации, грядущем апокалипсисе, инопланетянах, чрезмерных налогах и своём будущем чемпионстве. Говорил пафосно, громко, обо всём и ни о чём. А я терпеть не могу высокопарных речей — в них изначально заложена ложь. Если бы у меня были на голове волосы, то от моего недовольства они бы точно вздыбились ирокезом.

Чёрт твердолобый! Он продолжал вдохновенно нести чушь. Я слушал и ругал себя за излишнюю мягкость. Наконец я не выдержал и хотел ретироваться, но тут Джеймс объявил, что через три недели у него бой в Питтсбурге, и он просит меня поехать с ним. Предложение заманчиво — отдельный номер в гостиничном комплексе казино «Риверс», транспорт, еда за его счёт, плюс он мне заплатит сто долларов за подготовку к бою.

Вот так дела! Нежданно-негаданно появилась возможность стать тренером профессионального боксёра. Плохого, никуда не годного, но разве это имеет значение? Никто не даст мне тренировать звезду, её надо вырастить самому. А пока вот — Джеймс, с него и начинай.

Да, забыл представиться: меня зовут Виктор. Я русский эмигрант, в юности серьёзно занимался боксом.

— Ты теперь его тренер? — усмехнулся Рикки.

— Да, вроде того.

— Поздравляю, — в его голосе звучала ирония.

Давая Джеймсу согласие, я напрочь позабыл, что он безумно потлив. Через десять минут разминки он становился мокрым, будто только что вышел из сауны. При каждом его ударе о лапы солёный дождь окутывал меня. Я мирился с этим как мог, пока моё терпение не лопнуло. Сославшись на вымышленную боль в локте, я прекратил работать с ним один на один. По кислому выражению его лица стало понятно: он пожалел о выборе тренера. После этого Джеймса будто подменили. Он продолжал пахать как вол, но перестал крутиться возле меня, держался отстранённо, не лез с разглагольствованиями и мгновенно исчезал, как только заканчивалась тренировка.

До матча оставалась неделя.

Я не раз спрашивал себя: а не отказаться ли от этой поездки? В ста долларах не нуждаюсь, чемпионом он не станет, и нафига мне вся эта затея? «Для приобретения опыта», — уговаривал я себя.

Если бы Джеймс объявил, что в моих услугах больше не нуждается, я бы нисколько не пожалел, но самому отказаться — не хватало духа.

Оценивая подготовку подопечного, я был спокоен. На четыре раунда его хватит с запасом. Голову бережёт, заднюю

скорость включает. Десять поражений, и все по очкам, две победы и одна ничья — послужной список более чем скромный, но ни одного нокаута.

Десять поражений.

Десятого в отпуск.

Десять лет в Америке.

Десятка принесла мне выигрыш в тысячу долларов.

Десятка — мой талисман.

В десятку — это про меня.

Десятая жертва маньяка.

Поменьше смотри новости, нумеролог хренов!

Наступил день отъезда. Я собрался, ожидая, когда «звезда» мирового бокса заедет за мной. Раздался телефонный звонок.

— Вик, моя машина барахлит, боюсь, до Питтсбурга на ней не дотянем.

— Что с ней?

— Ходовая стучит.

В мозгах у тебя стучит. Знал, гад, что на своей ржавой таратайке не доедет, потому меня и выбрал. Тренер, блин! Не тренер, а водитель Убера. Провёл меня черножопый, как лоха.

— Вик, давай на твоей? Бензин оплачу.

Что мне было делать? Я согласился и поехал по указанно-

му адресу. Дорога привела меня в полузаброшенную зону на городской окраине. Поросшие плющом корпуса с провалившимися кровлями таращились тёмными глазницами разбитых окон. Но кое-где ещё теплился бизнес: впереди к складскому доку парковался 53-футовый трак, за забором скалили зубы сторожевые собаки.

Ну и местечко!

Перепроверил, сомнений нет — навигатор вёл меня правильно: через пятьсот футов поворот направо, в тупике — пункт назначения.

Не слишком ли много жертв с моей стороны? Я чувствовал себя полным идиотом. Складские помещения заканчивались, дорога упиралась в убитый временем дом. За ним простирался пустырь — похоже, раньше там была свалка. Джеймс нарисовался сразу, как только я подрулил к его халупе. Он радостно улыбался, лез обниматься, тряс мою руку с такой настойчивостью, что чуть не оторвал.

Как можно жить в таком месте? Это не укладывалось у меня в голове. Лучше бы я провёл уикенд с семьей...

Хороший манипулятор и актёр. Его обращение «сэр» звучало как издёвка и резало слух. Ничего не оставалось, как изображать из себя сэра, а не слугу; тренера, а не шофёра.

Покинув адово место и выехав на хайвей, я успокоился. Джеймс пребывал в прекрасном настроении, что-то насвистывал. Внезапно он обратился ко мне:

— Ты любишь мясо?

— Что?

— Вегетарианец?

— Нет.

— Это правильно. Белок животный организму нужен. Я мраморную филейку с кровью обожаю, во рту так и тает. А ты какое мясо предпочитаешь?

— Э-э...

— А я всё перепробовал: оленину, лосятину, медвежатину... — продолжал Джеймс.

— Собачатину, — вставил я.

— Почему нет? У корейцев собаки и кошки как у нас курица.

— А ты пробовал?

— Да, я в Южной Корее служил.

Ответ оказался настолько неожиданным, что я воскликнул:

— Реально?!

— Реальней не бывает.

— И как долго?

— Год.

Я был разочарован ответом.

— Всего год? Почему?

— Армия, казармы, быть шпунтиком-винтиком — не для меня. Но в Корее мне нравилось. У каждого из нас была «невеста», а у кого-то и две, и три. Иногда мы обменивались ими. Рай для мужика!

Джеймс замолчал, возможно, вспомнил корейскую «невесту».

— Так вот, я тебе рассказываю, — продолжил он, — много чего перепробовал. Помню, в детстве поймаю голубя, ошпилю, на костерке зажарю — лакомство. Но это в детстве... В еде, как с женщинами: чем разнообразней и экзотичней, тем больше хочется.

Он усмехнулся.

По радио передавали новости: «... район давно потерял статус бизнес-зоны: проституция, наркотики, убийства фигурируют в сводках полиции, когда речь заходит о Риджберри. Полиция тщательно ведёт расследование исчезновения Люси Рок. Слухи о каннибализме, распространяемые жёлтой прессой, не имеют под собой веских оснований».

— Каннибализм! — засмеялся Джеймс. — И мы про мясо.

«Тухлый комментарий», — подумал я. От моей едва зародившейся симпатии к защитнику Южной Кореи не осталось и следа.

— От школы в старших классах в Эквадор ездили. У этих эквадорцев национальное блюдо — морская свинка. Деликатес! У нас индейка на День благодарения, а у них морская свинка на Рождество. Смешно, да? Представляешь?! У кого-то из одноклассников дома в Америке осталась любимая морская свинка — член семейства, а тут — на тебе — её сестрёнку подают зажаренной. Истерика, слёзы. А мне свин-

ка понравилась — как цыплёнок, только костлявый. Я разного мяса перепробовал... Даже бычьи яйца. Клянусь, от них мочой несло! Поссать и не замочить — разве это возможно? Жую, а сам думаю про это. Пока ел, не дышал, чтоб запах не слышать. Еле закончил. Поставил галочку. В моём списке — и крокодил, и кенгуру. Страус — хорош. Стейк из бедра этой семифутовой курицы лучше говядины — нежный и сочный, как блюз в исполнении Нины Симон⁴. Джаз любишь?

И, не дожидаясь моего ответа, продолжил:

— Интересно, индусы едят слонов? У слона мясо, наверное, как подошва армейского ботинка. Ты как думаешь?

Я слушал этот бред голимый. А не каннибал ли мой любитель мяса? Меня передёрнуло. Вряд ли. Если бы он был каннибалом, то, услышав новости, выказал бы волнение или помрачнел, а не хохотал, рассказывая о своих мясных пристрастиях. А может, наоборот? Может, эти новости веселят его? Кто их знает, каннибалов?! Его разглагольствования и смакование вызывали во мне отвращение. А впрочем, что я себе напридумывал? Не съест же он меня — этот любитель мясных деликатесов.

Но подозрения крепко засели у меня в голове. Его излишняя говорливость настораживала. Он будто заговаривал меня: «Успокойся, успокойся, я съем тебя позже».

Что за чепуха лезет в голову? Вик, тебе к психиатру на приём пора. Завязывай!

⁴ Нина Симон (Nina Simone) — американская джазовая певица.

На подъезде к городу мы остановились на заправке. Джеймс залил бак. Улыбался, продолжая пребывать в отличном расположении духа.

К моему удовольствию, мясная тема закончилась, но в моей голове продолжал царить винегрет из костей и мяса. Занятый перевариванием этой умственной чепухи я не заметил, как быстро пролетело время, и мы доехали до гостиницы.

Слава богу, у нас разные номера. Не всё так плохо. Его номер 102, мой 101. Я замешкался с карточкой, глянул на дверь. Ба! 10! Единица на конце номера отсутствовала, от неё остался только след.

Десятка — это неспроста. Каннибал за стенкой... Дурак ты, Вик! Это ж твоя десятка. К победе! Так что кончай гнать пургу!

Утром на взвешивании Джеймс был молчалив и замкнут. К переменам его настроения я уже привык, поэтому вёл себя как ни в чём не бывало.

Мы расстались, условившись, что в шесть встретимся и начнём готовиться к выходу на ринг.

Заветная цифра не помогла. Бой Джеймс проиграл. Хотя надежда на успех теплилась вплоть до финального гонга.

Мой горе-боксёр не слушал советов, кружил по рингу, демонстрируя то лезгинку, то техно, то диско. Не пропустил ни одного существенного удара, но и противнику не нанёс.

Недовольный вердиктом судей, покинул ринг.

В раздевалке, опровергая общеизвестную поговорку о том, что после драки кулаками не машут, Джеймс продемонстрировал апперкоты и боковые. При этом возмущался, обильно орошая потом всё и всех в радиусе трёх футов.

Сняв с его рук бинты, я облегчённо выдохнул.

Мне осталось немного потерпеть. Через полтора часа я буду дома. Главное, чтобы Джеймс не свалил, не оставил меня здесь куковать. Хотя — постой! Это ж моя машина, ключи у меня. Даже хорошо, что поехали на моей. Напрочь голову отшибло!

Мне следовало успокоиться.

В машину Джеймс сел с угрюмым выражением лица. Молчал. Видимо, на то, чтобы продолжать убеждать себя и окружающих в своей победе, у него не осталось ни желания, ни сил, да и бесполезность этого занятия была очевидна.

Очень скоро сердитые складки на его лице разгладились. Мы не успели ещё покинуть пределы города, как он предложил:

— Давай в стейк-хаус заедем. Жрать хочу!

Предложение его меня не удивило, так как я тоже думал о еде: о том, как вернусь домой, разогрею борщ, нарежу сала и хлопну под это дело рюмку водки. Останавливаться и заезжать в стейк-хауз пусть даже и в хороший, у меня не было желания.

— Я не голоден, — соврал я.

— Я заплачу.

— Я не голоден.

— Сейчас не голоден, а мясом запахнет, так сразу аппетит придёт. В «Лонгхорн» заедем. Я знаю место, здесь недалеко.

Я промолчал. А ну его к бесу! Спорить не хотелось. В конце концов, он платит, да и ресторан хороший.

Джеймс смаковал стейк, его полные губы лоснились, лицо блестело в лучах плафона, висящего над столом. Зубы цвета слоновой кости, ровные и крепкие, как частокол, перемалывали мясо играючи.

Таким зубам и кости нипочём. Тьфу ты! Снова мне тема людоедская на ум лезет! Аппетит портит.

По-видимому, мясо действовало на Джеймса как наркотик. Его глаза покраснели и сузились, будто он накурился марихуаны.

Редкий случай, чтобы человек с таким самозабвенным наслаждением уплетал шмат говядины — пусть даже свежей и отлично приготовленной, но всего лишь говядины.

Покончив со стейком, Джеймс закрыл глаза и обмяк, погрузившись в послеобеденную нирвану.

Уснул, что ли? Ехать пора. Поздно, а он тут разлёгся.

Джеймс будто прочитал мои мысли, внезапно встрепенулся, его глаза-бусинки забегали, заискрились.

— Симпатишная филейка! Свеженькая, — промолвил он, провожая взглядом молоденькую официантку. Осклабился.

Вопросительно глянул на меня.

Девушка ничем особым не отличалась, разве что вместо тёмной спецодежды, в которую были облачены официанты, на ней была белая блузка и сиреневая мини-юбка.

— Жирный окорок, — отметил он трёхсотпудового гражданина, с трудом протискивающегося между столиками.

По телевизору шли новости с отключённым звуком. Надпись внизу гласила: «Таинственные исчезновения в Риджберри. Канныбализм или убийство?»

Кусок мяса, наколотый мной на вилку, застыл на полпуть. Джеймс сидел спиной к экрану. Но, увидев мою вытянутую физиономию, тут же обернулся посмотреть, что же произвело на меня впечатление. Его реакция поразила меня не меньше, чем новость в телевизоре. Он не отрывал взгляда от экрана и при этом что-то тихо бормотал. Я уловил это по шевелению его губ, но слов разобрать не мог. Криминальная лента быстро сменилась спортивными новостями. Он тут же обмяк, выдохнув:

— Мясо...

Всё совпадает: живёт в Риджберри, мясо ест без разбора, нестабильный, безумный тип. Надо быть с ним начеку! А может, сразу пойти и заявить в полицию? Но что я им скажу? Что он любит жрать мясо? Что в детстве ловил голубей, что не брезговал собачатиной? Что обзывает симпатичных девушек филейками, а толстых мужиков — окороками? Меня сочтут сумасшедшим.

Принесли счёт.

— Вик, деньги в машине забыл. Заплати, тут как раз на «стольник», сразу отдам.

Я достал банкноту, выданную им после боя, и обратил внимание, что ноль справа замалёван. Десять с чёрной отметиной! Это плохой знак. Надо будет машину вести осторожнее: не сворачивать, никаких остановок. Домой, прямиком домой!

Засосало под ложечкой от мысли, что снова придётся ехать в промзону. Эскорт, твою мать!

Банкноту он мне так и не отдал. Я о ней вспомнил только после того, как высадил его и заспешил домой.

Ощущение, что я выпачкался в чём-то нехорошем, не покидало меня.

Прошло две недели. Я приехал на тренировку чуть позже. Задержался в вестибюле, обсуждая погоду с дежурным на входе. По телеку шли новости:

«... полиция задержала мужчину по подозрению в причастности к исчезновению десяти женщин за последние три года».

По экрану поползли кадры промзоны. Я замер. Оператор выхватил лачугу Джеймса. В этом не было сомнений. Впрочем, все промзоны и все лачуги друг на друга похожи... Нет! Это была его лачуга! Я не ошибся.

«... Джеймс Джонсон», — донеслось до меня. На экране

я увидел фотографию своего полоумного «танцора диско», этого чертового любителя мяса, эту несостоявшуюся звезду профессионального бокса.

Шокирующая новость ввергла меня в ступор, отключила способность слышать, понимать и анализировать.

Настенные часы показывали десять. А почему десять? Ещё шести нет. Спасибо десяточка — как мне повезло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.